

**О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧТЕНИЯ
SAEVOS LEONES в XVI ЭПОДЕ ГОРАЦИЯ**

В сборнике эподов Горация самый известный и изучаемый — несомненно XVI эпод, в котором поэт призывает лучших из сограждан покинуть Рим и отправиться в благословенные земли, описание которых занимает вторую часть стихотворения. Однако до этого автор призывает своих будущих спутников дать клятву никогда не возвращаться назад (стихи 25–34): пусть это случится не раньше, чем произойдут невозможные события (так называемые *adynata*): суша и море поменяются местами, и любовь соединит животных не только по всем признакам несовместимых друг с другом, но и враждебных друг другу — речь идет о тиграх и оленях, о голубях и коршунах. Число таких *adynata* пополняет следующий — стада перестанут бояться львов (стих 33):

... Credula nec rivos timeant armenta leones,
rivos Ξ Bl lemma Pph sch. A flavos Ψ Q s(a)evos l λ ¹

Этот тоpos имеет весьма широкое распространение в литературе, и если связь с ветхозаветной параллелью (Is. 11. 6) далеко не бесспорна, то можно не сомневаться, что в произведениях римских поэтов этот мотив восходит к пассажу из книг Сивилл — «лев будет питаться мякиной в стойле подобно быку, и дети будут водить его на цепи» (Oraс. Sib. 3. 791–3). Самая близкая по времени параллель для этого топоса в римской поэзии — IV эклога Вергилия, написанная в то же время, что и эпод, и разрабатывающая сходный сюжет, с учетом того, однако, что Вергилий упоминает львов в связи с благословенными временами, которые наступят после рождения чудесного младенца (в стихе 22: ... nec magnos metuent armenta leones). Сходство этих стихов Вергилия и Горация позволяет говорить о несомненном влиянии одного поэта на другого².

Однако вернемся к стиху в XVI эподе. В качестве эпитета, от-

¹Для обозначения рукописей в статье приняты сокращения Ф.Клингнера, см.: *Q. Horati Flacci Opera / Rec. F. Klingner. Lipsiae, 1959. Praef. XXIII–XXIV.*

²Обычно постулируется влияние Вергилия на Горация; см., напр.: *Horace. Epodes / Ed. D. Mankin. Cambridge, 1995, ad loc.*

©С. К. Егорова, 2007

носящегося к *leones*, в большинстве рукописей стоят слова *gavos* и *flavos*.³ Рассмотрим их значения.

Flavus — довольно распространенное прилагательное, обозначает цвет, который передается русскими *желтый, бежевый, цвета охры*. На взгляд и древнего римлянина, и современного читателя этот цвет как нельзя лучше подходит для передачи расцветки шкуры льва. Этот цветовой эпитет не имеет значения для контекста, однако подобное использование прилагательных характерно для лирики Горация; ср., напр., в эподах: *fulvos Lacon* 6. 5; *ossa lurida* 17. 22; *atro Nessi cruore* 17. 31–2, *puppis citae* 9. 20, *libidinosus caper* 10. 23 и т.д.

Rāvus — гораздо более редкое слово, что, в основном, и влияет на его выбор издателями в качестве *lectio difficilior*. Нераспространенность этого прилагательного связана, в частности, с тем, что оно означает не один из основных цветов, а оттенок — в словарях, как и у античных грамматиков, это прилагательное имеет значение «желто-серый» (например, *Paul. Fest. p. 272 M: ravi coloris appellantur, qui sunt inter flavos et caesios*) и используется в контекстах, где автор старается точно передать цвет⁴. Можно предположить, что имеется в виду бурый цвет светлого оттенка, т. е. цвет охры (*flavus*), но более темный, поэтому грамматика пытаются передать его как близкий к серому (*caesius*).

Применительно ко львам этот эпитет можно трактовать двояко. С одной стороны, Гораций мог передать таким образом цвет шкуры львов. Однако в оде 3. 27. 3 он использует это прилагательное применительно к волчице⁵, что, как кажется, почти исключает такую возможность, так как львы и волки в понимании обывателя разного цвета. С другой стороны, эпитет *gavus* часто относится к глазам⁶, надо полагать, карим. В этом случае встает вопрос, имеется ли в виду постоянный цвет глаз животных, или же изменение цвета глаз перед нападением. В последнем случае *gavos* можно понять как определение — стада не будут бояться львов, даже когда

³Одна из двух рукописных семей содержит исключительно чтение *flavos*, другая же (обозначенная Клингнером как Ξ) или чтение *gavos*, или следы попыток его исправить — *gravos*, *gravos* и рассматриваемое *saevos*.

⁴*Cic. Acad.* 2. 105 о цвете моря на рассвете, *Plin. Nat.* 11. 148 о радужной оболочке глаза.

⁵... *canis aut ab agro / rava decurrens lupa* ... (*Carm.* 3. 27. 2–3)

⁶Как в научном контексте, напр., *Var. R.* 2. 2. 4 (о баранах) и *Plin. Nat.* 11. 148, так и в обычной речи (*Ovid. Ars am.* 2. 659, см. далее прим. 10).

те разъярены и готовы наброситься на них. Это понимание довольно часто встречается в литературе⁷, между тем, на наш взгляд, оно не имеет под собой достаточных оснований. В частности, сомнителен один из аргументов для такого толкования — то, что латинские прилагательные *ravus* и *caesius* вводятся римскими поэтами для передачи греческого *χαροπός*, так как греческие пассажи также неоднозначны. Напротив, гомеровское *χαροποι λέοντες* (Od. 11. 611) может быть эпитетом, передающим именно постоянный цвет глаз, а в пассаже из Филострата (Philostr. Her. 35. 2) на готовность льва к прыжку может указывать не столько цвет его глаз, сколько взгляд *ὄπδ τῆν χόρυν*. Сходное употребление прилагательного *caesius* у Катутлла⁸ также неоднозначно, — повстречаться со львом опасно вообще, цвет его глаз при этом уже практически не имеет значения. Вместе с тем поэты неотерики любили блеснуть своей ученостью в отношении подобных деталей, восходящей, конечно же, к греческой поэзии.

Такое понимание плохо вписывается в контекст эпохи: если *ravus* означает «с побуревшими глазами, т. е. готовый напасть», то *adynaton* состоит в том, что у быков и овец полностью пропадет инстинкт самосохранения — они не будут бояться львов, даже когда те нападают на них (и следовательно, будут съедены ими). Не говоря уж о том, что явно не это имеется в виду в эклоге Вергилия и в книгах Сивилл, в этом отдельно взятом эпизоде Гораций, скорее, рисует идиллическую картину, когда хищники и их теперешние жертвы будут жить в мире и стада будут доверять львам (ср. *credula*). В пользу такого понимания говорит и параллель в XV эпизоде (в стихе 7: *dum pecori lupus . . . infestus*).

Таким образом, эпитет *ravus*, по нашему мнению, относится к постоянной характеристике львов, между тем как нет окончательной ясности в вопросе, идет ли речь о шкуре или о глазах животных⁹.

Как уже отмечалось выше, чтения *flavos* и *ravos* засвидетель-

⁷Напр., Уотсон пишет об ассоциации такого цвета глаз с агрессивностью и видит в последовательности слов *ravos* и *timeant* оксюморон (Watson *L. C. A Commentary on Horace's Epodes*. Oxford, 2003, *ad loc.*)

⁸Cat. 45.6–7: *solus in Lybia Indiaque tosta / caesio veniam obvius leoni.*

⁹Представляется, что применительно к латинскому словоупотреблению (в отличие от греческого) цветовые эпитеты, формально относящиеся к людям или животным, следует относить к глазам лишь в очевидных случаях — например, *caerulea rubes* в 7-м стихе рассматриваемого эпода.

ствованы в двух группах рукописей произведений Горация. Сходный случай встречается в рукописях Овидия¹⁰, и, хотя там речь идет явно о цвете глаз и соответственно прилагательное *ravus* очевидно предпочтительнее, это может указывать на то, что эти два чтения смешивались как из-за сходства значения, так и по палеографическим причинам¹¹.

Между тем в Лейденском и Парижском (Paris. 7972) кодексах Горация засвидетельствовано чтение *s(a)evos*¹². Это чтение вызывает тем больший интерес, что эти две рукописи содержат текст од и эподов, сверенный с рукописью другой семьи, однако редко дают чтения, не засвидетельствованные в остальной части традиции¹³. Каково же происхождение этого чтения?

На первый взгляд кажется, что причина возникновения этого чтения имеет чисто палеографический характер — буквы *s* и *r* могут смешиваться в минускульных рукописях. Однако следующий за ними гласный уже делает такую порчу маловероятной: вряд ли переписчик, натолкнувшись на непонятное ему *ravos* принял его за *saevos*, переданное как *savos*, но которое в дальнейшем было исправлено на *sevos*¹⁴. Изменение *flavos* в *sevos* еще менее вероятно, тем более что прилагательное *flavus* очень употребительно.

Таким образом, не исключено, что перед нами сознательное изменение текста (хотя в этом случае трудно представить, что редактор намеренно изменил более редкие эпитеты на тривиальное *saevus*) или, что более вероятно, мы имеем дело с интерполяцией, возникшей при попадании глоссы в текст. Впоследствии редактор, даже имея возможность сверить рукопись с другими кодексами, не

¹⁰*Si paeta est, Veneri similis, si rava, Minervae — rava Heinsius, flava, parva, fulva* mss. (Ovid. *Ars am.* 2. 659)

¹¹Возможно, к этому привело слитное написание букв *fl*, хотя основным видам средневекового письма это, по нашим наблюдениям, не свойственно.

¹²Примечательно, что это же чтение содержится в Петербургской рукописи Горация, хранящейся в РНБ; см.: *Егорова С. К. Codex Petropolitani* и его место в рукописной традиции Горация // *Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского*. СПб., 2004. С. 66–69.

¹³Кроме названного существует лишь один менее значительный случай — *relegit* вместо *redegit* в *Erod.* 2. 69.

¹⁴Дифтонг *ae* в рукописях либо мог писаться полностью, либо иметь вид буквы *e* со штрихом внизу (см.: *Thompson E. M. An Introduction to Greek and Latin Palaeography*. Oxford, 1964; репродукции 416, 422, 438 и др.) и значительно реже — лигатуры букв *a* и *e*, где к обычного размера *a* приписывалась сверху меньшая *e*.

изменил этого чтения, поскольку в этом случае создавалось противопоставление («доверчивые стада» и «свирепые львы»).

Каков же механизм возникновения этой глоссы или, иными словами, какое чтение получило толкование «свирепый»? Выше нами уже рассматривался вариант понимания прилагательного *ravus* в качестве определения, почти в значении «готовый напасть» (напомним, что для этого нужно знать, что перед нападением у львов цвет глаз меняется на *χρολός*, *ravus* или *caesius*). Однако в средневековой рукописи можно было бы в этом случае ожидать пояснения этого сравнительно редкого слова, а не толкования эпитета, да и прилагательное *saevus* обычно передает скорее постоянное свойство, нежели состояние. Однако это слово могло быть пояснением к рукописному *ravos*, если редактор имел в виду омограф прилагательного «желто-серый» — *rāvus* со значением ‘хрипый’.¹⁵

Это прилагательное также не принадлежит к числу распространенных, отчасти потому, что было вытеснено однокоренным *raucus*. Оно известно нам по толкованиям у грамматиков (напр., *Paul. Fest.* p. 283 M) и не встречается в римской поэзии. О краткости гласного *a* можно судить лишь по однокоренному существительному *ravis* у Плавта¹⁶. В соответствии с этим у Горация оно употреблено быть не может, хотя и подходит по смыслу едва ли не лучше обоих рукописных чтений. Этот эпитет идеально подходит к нашим животным, и именно он мог быть пояснен средневековым редактором при помощи прилагательного *saevus* (‘хриплые’, т. е. ‘свирепые’). При том, что оба слова *ravus* мало употребительны, переписчик или редактор раннего средневековья мог знать лишь одно из них и не обратить внимания на долготу гласного, что систематически происходило по мере отмирания живой латинской речи. Кроме того, известен случай, когда эти омонимы путал позднеантичный автор: Сидоний Аполлинарий (автор V в. н. э., родом из Галлии) приводит в одном из писем свое стихотворение, которое содержит следующие стихи:

hic cum festa dies ciere ravos
cantus coeperit ... (*Sid.* 8. 11, стихотворение, стихи 49–50).

Итак, чтение *saevos*, засвидетельствованное в двух древних ру-

¹⁵OLD; *Dictionnaire étymologique de la Langue Latine* / Par E. Ernout et A. Meillet. Paris, 1967.

¹⁶Pl. *Cist.* 304.

копсиях Горация, носит явно вторичный характер, — оно возникло из чтения *ravos*, и могло возникнуть как по палеографическим причинам, так и в результате интерполяции, будучи первоначально глоссой. В последнем случае редактор, давая пояснение «свирепый», очевидно, имел в виду прилагательное со значением «хриплый», использование которого в горацианском тексте невозможно по метрическим причинам.

Summary

The aim of the article is to explain the origin of the variant *saevos* in several related manuscripts of Horace (Epid. 16. 33; the adjective describes lions). Most manuscripts of two tradition-lines have *ravos* and *flavos*, the former being undoubtedly *lectio difficilior*. The variant *saevos* seems to be obviously secondary, and might have erected as a palaeographic error, as it was usually assumed, since this adjective can be an explanation neither for *rāvus* ‘yellow-grey’ (of animals’ body or eyes) nor for *flavus* ‘pale yellow’. Meanwhile it could be originally a margin-gloss, made as a commentary on *ravus*, if an early-medieval commentator understood it erroneously as *rāvus* — ‘hoarse’. Both *rāvus* and *rāvus* are quite rare and were confused already in the Late Antiquity (Paul. Fest. p. 283 M) and the author of the gloss may have made a note: «hoarse» meaning ‘ferce’.